



Автор - Ирина Клеандрова, Калининград (Россия).

ХРУПКИЕ ВЕЩИ

Три имени

Снова память с душой в раздоре, нос барометра клонит вниз.
За стеной хрипло дышит море, волны с рёвом таранят пирс:
Волосами трясут седыми, нервным пульсом стучат в окне,
Без конца повторяют имя – всех дороже и всех больней.
Я клянусь этим вечным хором, солью слёз, глубиной небес:

Наш дуэт – чёрный вихрь над морем, гром, схлестнувшихся молний треск,
Луч, летящий во тьме межзвёздной, догоняя мечту свою...
Озарения, сны и грозы, сталь и шторм – о тебе поют.

Шелест шин, лип медовый запах, фонарей медноглазых ложь.
На чешуйчато-тонких лапах по асфальту гуляет дождь –
Ждёт, нахохлившись мокрой птицей, дымом стелется над травой...
Мне не пишется и не спится. Тошно, душно – хоть плачь, хоть вой.
Вязко-алым текут минуты, хохоча, возвращаясь вспять...
Нити капель на стёклах мутных чертят имя твоё опять.
Растираю его – в полоски, помня нежность – и помня зло:
Чуть живой, равнодушный, жёсткий – ты не знал, как с тобой тепло.

Гаснут звёзды, и дождь всё тише: замер, пятясь... пропал и след.
В шуме листьев я имя слышу, не забытое с детских лет.
Память скачет соседской кошкой: прыгнет, сделает шаг назад...
Шоколадно-миндальной крошкой – искры смеха в твоих глазах,
Одуванчиков многоточья, запах глины – и колдовства...
Я вернусь на минутку, хочешь? Ну, к стене, и считай до ста!
Ты был нужен – как небо солнцу, как название – кораблю...
Время птицей из пальцев рвётся. Верю, помню – конечно, лю...

Хрупкие вещи

Сейчас здесь тихо, но печаль легка.
Крыльцо, пролёт, артритный хруст замка,
в пустой квартире брошенные вещи:
диван, ковёр и старенький сервант,
знакомые, как вдох, как дважды два,
от пятен лака до мельчайших трещин.

Бюро, торшер, забитый книжный шкаф.
Вязь выцветших чернил на корешках,
на полировке липкий след от чая –
вы верили: однажды я приду,
вы просто ждали – как волхвы звезду,
молясь во тьме, надеясь и скучая.

...шаги и кашель – через явь и сны.
Кровать, трельяж, два кресла у стены,
лучи сквозь тюль – и время расколосось:
забыв, всё ждёшь и веришь, что вот-вот
на створке отражение мелькнёт
и снова прозвучит любимый голос.

Сквозь блики – постаревшее лицо.

Здесь, в мире остановленных часов,
светло и пусто, как бывает в храме –
лишь вещи, эхо слов и миражи,
взамен родных оставшиеся жить,
сквозь бездны лет хранящие их память.

Пасхальное

...Ты не веришь рассудку, узнав, где сошлись пути.
Но ворота, стена – перед носом, лишь тронь руками.
В низких тучах сияя, над площадью крест летит,
И людская волна затекает в белёный камень.

Там, в обители света, покой, и спит глаза
Полный милости лик: неземной, лучезарный, строгий.
Нужно просто войти, встать с молитвой под образа,
Только всё от ступеней не могут отлипнуть ноги.

Перед взглядом – палата, фигура на простынях,
«Сожалею...», прогнозы, какие-то нейробласты...
Боже, если ты слышишь – возьми за неё меня!
Отказали врачи. Может, чем-то поможет пастырь?

Если вместо надежды потери несёт весна,
И рука опустела – погонишься за синицей...
Ты до этого марта о Боге не вспоминал,
И совсем не умеешь ни каяться, ни молиться.

А без веры молитва развеется в пустоте,
Не успев исцелить, не поможет смягчить удара...
Весь в себе, ты не видишь мелькнувшую в стёклах тень,
Тушишь в клумбе бычок – и от храма шагаешь к бару.

...Стойка, лестница вниз, где радушно шепнёт: «Привет!»
Сотней проклятых душ облюбованная геенна –
Золотое убранство, прозрачно-медовый свет
От развешанных ламп и чуть тлеющих бра на стенах.

Просишь всё, как обычно – закуску и два по сто,
Крутишь рюмку, не видя восторг и испуг на лицах:
Грузный шаг, и священник садится к тебе за стол,
В тёплый хлеб и вино обращая коньяк и пиццу.



Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

[Спонсор: Балтийский центр культуры и искусства](#)

СП